Известный и неизвестный

ЗАГИР БИГИЕВ

Жизнь одного из зачинателей татарской реалистической литературы Мухаммад-Загира Бигиева* (1870-1902), его творческая деятельность, на первый взгляд, достаточно хорошо изучены татарскими литературоведами. В этой связи можно отметить многочисленные статьи и книжные публикации[1]. Вместе с тем в биографии З. Бигиева есть немало «белых пятен», которые невозможно устранить на базе давно введенных в научный оборот источников. Наибольшую исследовательскую перспективу, на наш взгляд, открывает тщательная поисковая работа в архивохранилищах Ростова-на-Дону, в городе, где татарский писатель родился, прожил большую часть жизни и умер. Необходим и тщательный анализ местной русскоязычной прессы дореволюционного периода, в которой, наверняка, найдутся упоминания о З. Бигиеве. Ведь он был публичным человеком и своими различными действиями и поступками давал немало поводов для разговоров.

Татарские ученые неоднократно предпринимали попытки узнать больше о жизни и творчестве Загира Бигиева. Такая работа велась и с выездом в Ростов-на-Дону. В середине 1950-х гг. там побывал татарский литературовед М. Гайнуллин. Он успел встретиться с женой Бигиева, посетил могилу писателя. Жена З. Бигиева категорически отвергла слух о том, что он якобы погиб от ее рук[2]. Позже все это дало основание М. Гайнуллину утверждать, что Бигиев покончил жизнь самоубийством на почве злоупотребления алкоголем и развившейся депрессии[3]. Такое заявление известного литературоведа прямо противоречило имеющимся фактам: З. Бигиев был набожным мусульманином, человеком с активной жизненной позицией и твердой волей, для которого сама мысль о самоубийстве была кощунственной.

Впрочем, можно понять и М. Гайнуллина, проводившего актуальную для тех лет мысль, что писателя-де довел до самоубий-

* Сокращенно — Загир Бигиев.

ства «бесчеловечный капиталистический строй», в условиях которого настоящий талант не имел никакой возможности раскрыться. Кстати, примерно то же самое говорили и о Г. Тукае. Иными словами, выводы М. Гайнуллина соответствовали общим тенденциям советского литературоведения того времени.

В последние годы татарские ученые высказывают новые предположения относительно кончины Загира Бигиева. Однако они также не имеют под собой веских доказательств. Например, не так давно литературовед М. В. Гайнутдинов выдвинул версию о том, что писатель «был избит до смерти, видимо, умышленно, как мусульманский священник-прогрессист разъяренной толпой черносотенцев во время ростовской стачки*. Видимо, чтобы скрыть правду, задним числом были сфабрикованы слухи об отравлении его женой»[4]. В любом случае, все версии смерти З. Бигиева говорят в пользу того, что она была насильственной. Будем надеяться, что дальнейшие исследования внесут ясность в этот вопрос.

Научная публикация подразумевает использование достоверных фактов, поэтому стоит обратиться к новым архивным данным, которые позволяют нам реконструировать неясные моменты биографии прославленного татарского писателя. Речь идет, главным образом, о дневниках известного казанского миссионера Евфимия Малова (1835-1918), который вел их на протяжении почти всей своей жизни. В настоящее время эти ценнейшие для истории татарского народа документы хранятся в фондах Научной библиотеки им. Н. Лобачевского КГУ, архиве ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, а также в личном архиве казанского краеведа Мурада Алиша.

В данной публикации мы приводим выдержки из дневников Е. Малова, которые касаются объекта нашего исследования — З. Бигиева. Эти впервые публикуемые данные** заключают в себе абсолютно новую информацию о биографии татарского писателя. Мы надеемся, что все это будет способствовать пересмотру уже устоявшихся, хрестоматийных оценок и позволит взглянуть на жизнь и творчество зачинателя татарской реалистической литературы по-иному.

Евфимий Малов. Начало XX в.
ОРРК НБЛ КГУ, ф. 7.

Итак, о чем говорят документы? Из них мы узнаем, что первое заочное знакомство Е. Малова и З. Бигиева состоялось в 1887 г. сразу после выхода в свет романа татарского писателя «Өлүф, яки Гүзәл кыз Хәдичә» (Тысячи или Красавица Хадича). Малов пишет, что в ноябре этого года он приобрел с рук у некоего казанского юноши Исмаила новую книгу Бигиева. Пока он не дает никакой оценки этому произведению и пытается вести обычную для него миссионерскую пропаганду: «Со своей стороны, я, доложивши, что и у меня есть новая татарская книга, даже гораздо лучше романа о красавице Хадиче, взял книжку «Чын дин княгясе», или учение о православной вере (на татарском языке, изд. г. Казань, 1887) и прочитал своим гостям (Исмаил пришел со своим товарищем. — *А. А.*) из нее несколько страниц…»[5].

Главной целью Е. Малова было обращение как можно большего числа татар-мусульман в православную веру. На это дело он готов был тратить все свое время. Нельзя сказать, что предприятие было безуспешным: несколько человек под его влиянием перешло в христианство. Одним из

* В беседе с нами М. В. Гайнутдинов сообщил, что версию гибели З. Бигиева от рук черносотенцев он привел со слов М. Хабибуллина, бывшего сотрудника ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, который в 1960-1970-е гг. посещал Ростов-на-Дону и общался с представителями местной татарской общины.

** Лишь небольшой отрывок был опубликован М. Алишем в 1999 г.: Малов Е. О татарах, евреях и других инородцах в Российской империи: Выписки из рукописей и миссионерских дневников / Сост. М. Алиш. – Казань, 1999. – С. 45.

новообращенных стал выпускник Апанаевского медресе, бывший мулла Гирей Ахмеров*. Судьба к нему не благоволила: он заболел хроническим алкоголизмом и скончался в расцвете физических сил.

В феврале 1888 г. Е. Малов посетил П. Н. Ахмерова с тем, чтобы познакомиться с проживающим вместе с ним Загиром Бигиевым, на которого он, судя по всему, «имел виды». Знакомство состоялось, и миссионер предложил З. Бигиеву бывать у него дома[6].

Доподлинно неизвестно, как скоро они встретились, но первое упоминание о посещении З. Бигиевым дома Е. Малова относится к апрелю 1888 г. Миссионер отметил, что Бигиев общается на прекрасном русском языке — «трудно подметить даже неправильный акцент». Шакирд затевает с миссионером сложный богословский спор, что говорит о его высокой начитанности, грамотности, а также уверенности в себе и своих интеллектуальных силах[7].

Их новая встреча состоялась через неделю. З. Бигиев сообщил Е. Малову, что отдыхал на даче купца Юнусова**, потому не мог посетить миссионера раньше. Е. Малов дает шакирду несколько книг миссионерского и религиозного характера и просит написать ему о своих впечатлениях[8]. Бигиев оставляет миссионеру свой ростовский адрес, поскольку, судя по всему, собирается уехать домой на летние каникулы. Эта часть дневниковых записей содержит еще один интересный факт — оказывается, З. Бигиев отдыхал на даче купца Юнусова.

Впоследствии в общении Малова и Бигиева наступает пауза протяженностью в три года. По крайней мере, мы можем судить об этом на основании дневниковых записей казанского миссионера и писем самого Бигиева***.

В 1891 г.**** З. Бигиев завершил учебу в медресе и уехал к себе в Ростов-на-Дону. Между ним и Е. Маловым завязалась переписка, которая содержит массу ценной информации о жизни татарского писателя. В одном из писем за 1891 г. Загир Бигиев сообщает, что получил указ и теперь служит вторым имамом в местной мечети (первый имам — его родной брат Гизатулла*****). Мы также узнаем, что молодой мулла страдает грудной болезнью, потому живет не в городе, а на даче в Кубанской области в деревне Новой Нижней Стеблевке (Гривной). Эти письма дают нам информацию и о личной жизни татарского писателя: он не женат, поскольку до сих пор «не нашел хорошей подходящей... девушки».

Также З. Бигиев сообщает, что «в прошлых годах в Ростове-на-Дону» проводил религиозные споры с местными священниками. Однако комиссия посоветовала прекратить такого рода прения. Этот момент невероятно важен для реконструкции биографии З. Бигиева, потому рассмотрим его подробнее. Сейчас мы не можем точно сказать: в одной дискуссии участвовал Бигиев или в нескольких. Скорее всего, в нескольких, и они относились к периоду 1890-1891 гг. Дискуссии вызвали большое недовольство православных миссионеров, да и других «державников», которые были уязвлены интеллектуальной победой татарского писателя. З. Бигиев пишет в письме Е. Малову, что ему «никакого вреда не было». Видимо, З. Бигиев ожидал каких-либо репрессий по отношению к себе, но тогда все обошлось миром. Кто знает, может, все это отразилось на нем в год его трагической гибели?

Но все же, что это были за дискуссии, в которых участвовал татарский писатель? Обратимся к двум источникам.

Известный казанский миссионер Н. И. Ильминский в своем письме от 20 апреля 1890 г. Н. П. Остроумову писал о З. Бигиеве: «В Екатеринославской губернии распространились штундизм и баптизм, и епархиальное начальство учредило несколько маленьких комитетов для увещания заблуждающихся из духовных и частью мирян. Протопоп Ростова-на-Дону и вздумал открыть собеседование с баптистами в городской думе ростовской — громадная зала с хорами. В назначенный и

---

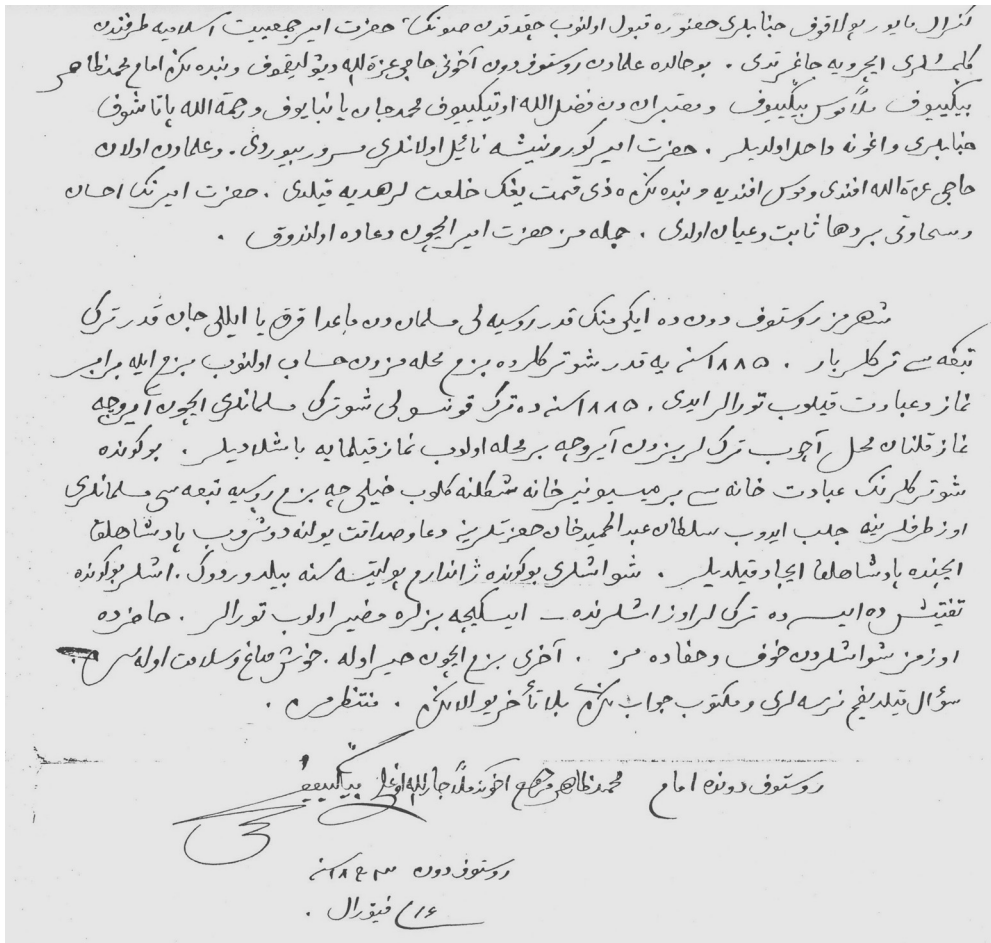
* Сахиб-Гирей Ахмеров (1858-1900). После крещения — Павел Николаевич Ахмеров (см. о нем: П. Н. Ахмеров (некролог) // Православный собеседник. – 1900. – Ч. II. – Декабрь. – С. 711-720).

** Трудно себе представить, чтобы обыкновенного шакирда вот так запросто могли пригласить на дачу к прославленному купцу. Это было возможно лишь в двух случаях: Бигиевы имели родственные отношения с Юнусовыми, или слава молодого писателя после выхода первого романа была столь велика, что он становится крупной светской фигурой. Второе — наиболее вероятно.

*** Эта часть дневниковых записей Е. Малова и письма З. Бигиева хранятся в личном архиве казанского краеведа М. Алиша. В данной публикации отрывки касательно З. Бигиева приводятся полностью.

**** По другим данным, в 1890 г.

***** Именно под этим именем в качестве «ростовского муллы» он вводит его в свой роман «Гөнаһе кәбаир» (Великие грехи, 1890) (см.: Бигиев З. Зур гөнаһлар. Романнар һәм сәяхәтнамә. – Казан, 1991. – Б. 73).



Последняя страница письма З. Бигиева к Е. Малову. 16 февраля 1893 г.
Из личного архива М. Алиша.

опубликованный день собралась масса народа, и зала и хоры битком набились. А в Ростове множество евреев, армян, русских нигилистов и татары цивилизованные. Вот этого рода публика собралась слушать состязание священника с баптистами. Завели разговор о приснодевстве Св. Девы Марии, против которого баптисты кощунственно отзываются. Вдруг, откуда ни возьмись, приплелся мулла Бигеев; он отлично владеет русским языком, а татарской догматике учился в казанских медресе. Отвлекши на себя внимание миссионеров, он забросал возражениями против божества Господа Иисуса Христа и пошел писать. Бились несколько часов, разумеется, отцы не могли убедить муллу, и не понравились публике, которая сочувствовала все мулле»[9].

Еще одно свидетельство. «В 1891 году в Ростове-на-Дону на собеседование местного священника с анабаптистами явился никем не прошенный мулла г. Ростова Мухаммед Загир Бикеев и стал горячо спорить со священником, цитируя Евангелие. Мулла Бикеев, как потом выяснилось, воспитанник Казанского мусульманского медресе и знаком с содержанием Евангелия. Во все время собеседования мулла Бикеев стоял с сектантами, переговаривался с ними и останавливал их, когда они, по своему обыкновению, выражались резко или в своих рассуждениях доходили до нелепостей»[10].

Видимо, в обоих случаях речь идет о двух разных событиях, имевших место в Ростове в 1890 и 1891 гг. Об этом можно судить по датам, указанным в приведенных источниках. Правда, описываемые внешне схожи. Сам З. Бигиев сообщает в письме Е. Малову, что споры «происходили в большом зале Городской управы при открытых дверях, и собиралось очень много народа слушать наши споры. Об этих наших спорах в местных газетах были писаны (особые) известия, а равно также и в столичных

больших газетах писаны были особые большие статьи». Более точный ответ может дать анализ периодической прессы того периода. К слову сказать, со временем эта история обросла невероятными легендами, а участие в ней стали приписывать родному брату З. Бигиева — известному богослову Мусе Бигиеву[11].

В упоминавшемся письме Н. И. Ильминский также сообщает, что петербургский цензор В. Д. Смирнов запретил роман З. Бигиева, изобразившего свой спор с баптистами. После чего татарский писатель переписал произведение, опустив описание спора, но намекнул о нем в предисловии[12].

Трудно сказать, какое произведение З. Бигиева имеется в виду. Скорее всего, произведение, так и не увидевшее свет. Ведь то было время невероятной активности цензора В. Д. Смирнова, который вычеркивал все, вплоть до отдельных сур из коранических текстов. Тогда возникает вопрос: почему В. Д. Смирнов в 1890 г. разрешил напечатать второй роман Бигиева «Гөнаһе кәбаир» (Великие грехи)? Видимо, потому что это произведение было на руку миссионерам, в нем были достаточно натуралистично описаны различные язвы и пороки нарождающегося татарского буржуазного общества. Кстати, эта тенденция продолжилась и в последующие годы. Например, когда в начале XX в. встал вопрос о переводах произведений Г. Исхаки на русский язык, в печать были предложены (а впоследствии и вышли) наиболее неприглядно описывающие жизнь татар произведения классика татарской литературы.

В письме Е. Малову З. Бигиев пишет о своем творчестве следующее: «В 1887 г., после того как я написал “Өлүф, яки Гүзәл кыз Хәдичә” (Тысячи, или Красавица Хадича), я написал еще роман под названием “Катле хатын” (Убитая женщина), но по цензурному недозволению этот роман остался ненапечатанным. В прошлом 1890 г. я написал и напечатал в Казани роман свой под названием “Гөнаһе кәбаир” (Великие грехи). Вероятно, Вы этот роман мой прочитали...».

О чем это говорит? О том, что исчезнувший роман «Катылә» (Убийца) З. Бигиева был написан не в 1890-1891 гг., а раньше, между 1887 г. и 1890 г.

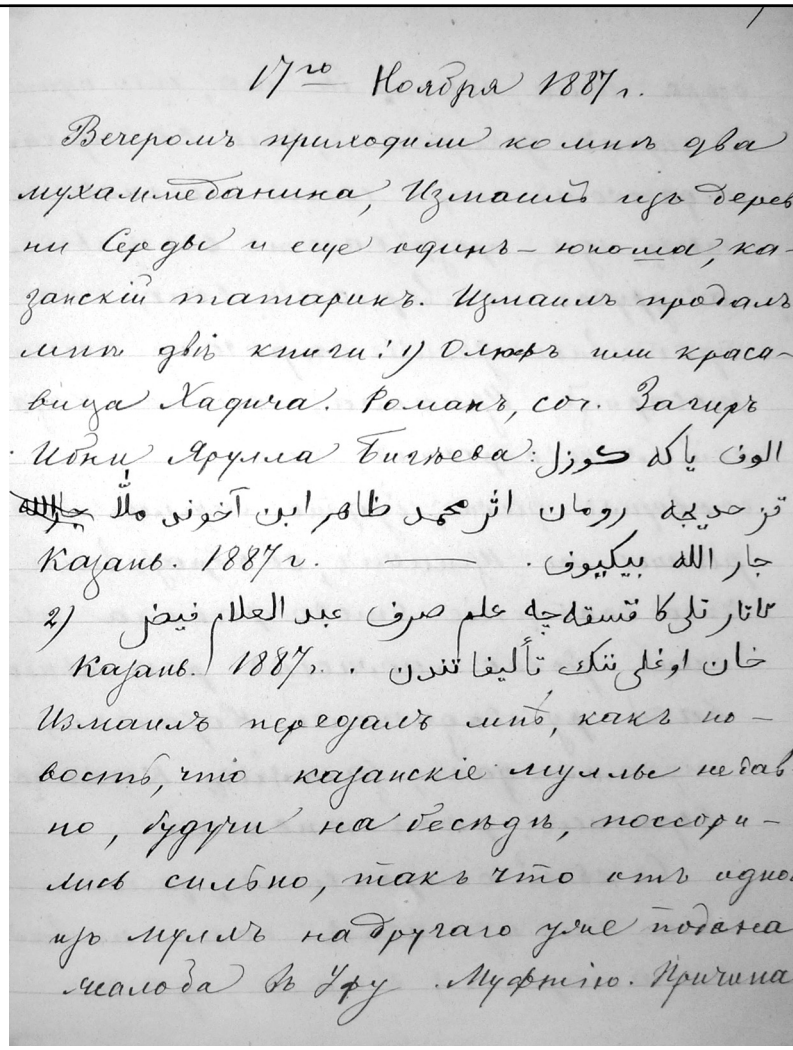
Приведенные в публикации документы повествуют также о встрече З. Бигиева и бухарского эмира Сагида Абдуллы-хана в Ростове в декабре 1892 г., встрече татарского писателя и Е. Малова в Казани в сентябре 1896 г., их горячих спорах на религиозные темы. Все эти документы позволяют совершенно иначе взглянуть на жизнь и творчество зачинателя татарской реалистической прозы.

«Спи безмятежно в могиле, ты для друзей не погас. / Неоценимый при жизни, ныне ты дорог для нас», — писал о З. Бигиеве известный татарский поэт Г. Тукай. Эти слова, написанные сто лет назад, до сих пор не потеряли своей актуальности, как и не потеряло своей актуальности творчество Мухаммад-Загира Бигиева.

Автор выражает благодарность за предоставленные документы (письма З. Бигиева к Е. Малову, дневниковые записи Е. Малова за 1891, 1896 гг.) казанскому краеведу М. Алишу, а также доктору исторических наук И. Марашу (Анкарский университет, Турция).

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Бигиев М. М.-З. әфәнде Бигиев // Мавәраэннәһердә сәяхәт. – Казан, 1908. – битләре күрсәтелмәгән; Гайнуллин М. Х. Татарская литература XIX в. – Казань, 1975. – С. 208-229; Мусин Ф. Зәһир Бигиев (1870-1902) // Татар әдәбияты тарихы: алты томда. 2 т. XIX йөз татар әдәбияты. – Казан, 1985. – Б. 302-318; Даутов Р. З. Бигиев (Тормыш юлы һәм иҗади мирасы) // Бигиев З. Зур гөнаһлар. Романнар һәм сәяхәтнамә. – Казан, 1991. – Б. 360-379; Канеев Б. Твое имя светит народу в пути // Аргамак. – 1995. – № 7. – С. 60-66; Әмирхан Р. Язны якынлаштырган әдип // Татар иле. – 2000. – № 38 (399); Миңнегулов Х. Бәхтияр әдип // Гасырлар өнен тыңлап... – Казан, 2003. – Б. 130-140; h. б.
2. Миңнегулов Х. Күрс. хез. – Б. 135.
3. Гайнуллин М. Х. Указ. соч. – С. 213.
4. Гайнутдинов М. В. Татарская литература XIX в. (Идейно-художественный генезис и исторические судьбы). – Дисс. в виде научного доклада … д-ра филол. наук. – Казань, 2000. – С. 82.
5. Архив ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, ф. 56, оп. 1, д. 2, л. 1-2.
6. ОРРК НБЛ КГУ, ф. 7, ед. хр. 17, л. 53.
7. Там же, л. 79-80, 82.
8. Там же, л. 82-84.
9. Извлечения из писем Н. И. Ильминского к Н. П. Остроумову // Православный собеседник.– 1900. – Ч. II. – Июль-август. – С. 60 (приложение).
10. Михайлов А. Значение для полемики с исламом разбора коранических сказаний об Иисусе Христе // Православный собеседник. – 1900. – Март.
11. Батулла Р. Муса Биги хәзрәтләре // Мәдәни җомга. – 2000. – № 42 (275). – 20 октябрь.
12. Извлечения из писем Н. И. Ильминского... – С. 60.



17го Ноября 1887 г.

Вечеромъ приходили комнѣ два мухаммеданина, Измаилъ изъ деревни Середы и еще одинъ – юношка, казанскій татарикъ. Измаилъ продалъ мнѣ двѣ книги: 1) Олюръ или красавица Хадича. Романъ, соч. Загиръ Ибни Ярулла Бигѣева: الوف ياكه كوزل تزحديجه رومان اثر محمد طاهر ابن آخوند ملّا جار الله بيكيوف. Казань. 1887 г. —— 2) تاتار تلى كا قسقه‌چه علم صرف عبد العلام فيض خان اوغلى تنك تأليفا تندن Казань. 1887 г.

Измаилъ передалъ мнѣ, какъ новость, что казанскіе муллы недавно, будучи на бесѣдѣ, поссорились сильно, такъ что отъ одного изъ нихъ на другого уже подана жалоба въ Уфу Муфтію. Причина

Страница из дневника Е. Малова с упоминанием имени З. Бигиева. 1887 г.
Архив ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, ф. 56, оп. 1, ед. хр. 2, л. 1.
Фото А. Ахунова.

Дневниковые записи Евфимия Малова о Загире Бигиеве

15 февраля 1888 г. [...] По окончании урока, данного мной в миссионерском приюте, я отправился в мухаммеданское медресе к Гирею Ахмерову. При этом посещении я имел целью познакомиться с шакирдом из г. Ростова-на-Дону г. Бигеевым, который учится в той же школе, где проживает Ахмеров. Я действительно увиделся с Бигеевым и просил его бывать у меня.

ОРРК НБЛ КГУ, ф. 7, ед. хр. 17, л. 53.

7 апреля 1888 г. [...] Явились еще два товарища – это были Гирей Ахмеров и Ярулла Бигеев. Мы начали пить чай. Новый мой знакомый Ярулла Бигеев свободно владеет русским языком, так что трудно подметить даже неправильный акцент. Из этого я заключил, что в Новочеркасске татар немного, что русское влияние там берет над ними преимущество и они русеют более, чем казанские татары, живущие в Казани отдельно от русских в больших слободах или улицах. Новый мой знакомый отрекомендовался, что и он желает быть миссионером* .

* Имеется в виду — мусульманским миссионером.

Я протянул ему снова мою руку и сказал, что очень рад видеть миссионера, что миссионеры должны поближе познакомиться между собою, по пословице: «Рыбак рыбака видит издалека».

Не прошло после того несколько минут, как Ярулла Бигеев уже спорил со мною. И каких, каких вопросов мы не касались в продолжение, быть может, получаса: мы говорили или затрагивали вопрос о божестве Иисуса Христа и о его чудесах; говорили о нравственном характере Мухаммеда и о том, творил ли он чудеса? Говорили о том, позволяется ли христианам или же мухаммеданам пить вино; говорили мы о противоречиях в Коране. Словом, мы говорили или начинали говорить о многом и ни одного вопроса не рассмотрели обстоятельно. Я сказал Ярулле Бигееву: теперь я позволю сказать вам одно мое наблюдение. Ко мне приходят многие шакирды и так же как вы заговаривают о многом. Я не первый раз принимаю участие в прениях, а потому заявляю, что так вести разговор невозможно, что следует говорить об одном каком-либо вопросе и рассматривать его обстоятельно, чтобы получить какие-либо важные результаты. Ярулла согласился и на будущий раз хотел приготовить какой либо вопрос для исследования. [...]

P. S. Загир бен Ярулла Бигеев высказал желание приобрести себе Коран на русском языке, а также иметь у себя мою книгу об Адаме. Я ему обещал книгу об Адаме, как скоро он явится ко мне в следующий раз. Он обещал мне принести два экземпляра своей книги «Олюфъ», и мы расстались.

ОРРК НБЛ КГУ, ф. 7, ед. хр. 17, л. 79-80, 82.

15 апреля 1888 г.* [...] Я встретился с Загиром бен Яруллою Бигеевым и спрашивал его, почему он на этой недели не был у меня? Он отвечал, что был на даче, или в имении казанского купца Юнусова, а потому у меня не был. Обещаясь прийти ко мне сего дня, т. е. 16-го апреля, Бигеев спрашивал меня: скоро ли можно прочитать Евангелие, есть в нем разделение на главы и стихи, имеется ли указатель содержания и т. п. Я дал ему ответы на его вопросы. Все эти вопросы давали мне полное право заключить, что Бигеев не только до сего времени не читал Евангелие, но даже не видал его. Я обещал Бигееву дать весь Новый Завет в переводе на татарский язык Ал[ександра] Касимовича Мирзы Казембека для прочтения. При этом я высказал ему то необходимое правило, которого он должен держаться при чтении этой книги. Каждая книга прежде всего должна объяснять сама себя, какого правила и я держусь, сказал я Бигееву, при чтении вашего Корана. Поэтому, если вы в Новом Завете встретите что-либо, по вашему мнению, неясное, или неправильное, не спешите делать заключения, и заметьте это место, и продолжайте читать, – при дальнейшем чтении вы, наверное, найдете решение для недоумения. Теперь я жду к себе Бигеева...

16 апреля 1888 г. [...] Загир Яруллович Бигеев был у меня. Я высказал ему, что он напрасно лгал прежде, будто читал и видел Евангелие, что ложь ни к чему доброму не ведет, что гораздо лучше говорить прямо и справедливо о том, что читал и чего не читал. Справедливость никогда не унизит человека. Загир Бигеев выслушал терпеливо мои наставления. Потом я дал ему:

а) Евангелие на татарском языке в переводе А. К. Казембека.

Послания Апостольские, или «Апостол», Загир Бигеев отказался взять, отзываясь тем, что едва ли успеет прочитать;

б) книгу «об Адаме» (в его собственность);

в) Коран на русском языке (перевод Г. С. Саблукова).

Я просил Загира Бигеева писать мне по поводу впечатлений своих от чтения данных мною ему книг, т. е. Евангелия и книги об Адаме. Он обещался и сам просил вперед моих ответов. Он оставил мне адрес: в Ростов (на Дону) татарскому мулле Дивликамову. [...] А я дал Бигееву свой адрес, и мы расстались. [...]

ОРРК НБЛ КГУ, ф. 7, ед. хр. 17, л. 82-84.

30 марта 1891 г. [...] Я получил из Ростова-на-Дону письмо от 22 марта 1891 г. от муллы Мухаммед-Захира Бигиева. Письмо это очень интересно: Мухаммед Захир Бигиев узнал, что Гирей Ахмеров принял христианскую веру и просил меня известить его о положении Ахмерова (Павла Николаевича).

Из личного архива М. Алиша.

10 апреля 1891 г. [...] Я здесь хочу поместить письмо муллы ростовского потому, что оно показывает, что о крещении Павла Николаевича мухаммеданские шакирды начинают писать во все стороны**:

«О Боже! Веди нас по дороге прямой! Отец духовный Ефим Александрович, милостивый государь! Веди нас по дороге прямой», – говоря эти слова, я пребываю в молитве.

* Правильно — 16 апреля.

**Перевод писем с татарского языка осуществлен Е. Маловым.

За час до сего времени я получил письмо из казанского медресе от Мусы Бигиева. Он пишет, будто известный Вам Ахмед Гирей Ахмеров принял христианскую религию и сделался отступником от ислама. [...] Судя по письму брата Мусы Бигиева, казанские мусульмане, будто думают, что Вы были причиною того, что Ахмед Гирей оставил веру ислама. Пожалуйста, получивши это письмо, без промедления пишите в ответ на это письмо и объясните положение Ахмерова. Если можно, скажите мой поклон Ахмерову и от него самого ответ на наше письмо возьмите и присылайте. А так же, если можно, напишите и пришлите его имя (т. е. как его называют). Письмо свое я пишу чрезвычайно поспешно, поэтому простите мои ошибки. Если будет угодно Богу, когда придет от Вас письмо, то я тотчас напишу Вам подробное письмо. Кланяюсь (или будь здоров!). В прошлых годах в Ростове-на-Дону я производил религиозные споры с местными священниками. Наконец комиссия (констистория?) [...] советовала прекратить религиозные со мною прения. Прения кончились, и мне никакого вреда не было. За несколько времени перед сим я взял приговор от ростовских мусульман, и сегодня указ пришел в мои руки, и я сделался имамом-товарищем (по должности) брата моего, спутешествовавшего в два священных города (Мекку и Медину), муллы Гизатуллы.

Низкий прах [...] сын муллы Джаруллы, умершего ахуна, Мухаммед Захир Бигиев».

Из личного архива М. Алиша.

2 июня 1891 г. [...] Я получил довольно подробное письмо от муллы Бигиева из Ростова-на-Дону:

«Бог вечен, он не родил и не рождается. Слава тому, который возвеличил веру нашу над прочими религиями, мир и благословение да будет над посланником его, Мухаммедом, господином тварей!

Отец духовный, сливки христианских ученых – Ефимий Александрович! 12 числа апреля письмо Ваше, которое Вы написали и составили, я понял и получил 21 апреля, а также Вашу книгу под названием “Моисеево законодательство по учению Библии и по учению Корана”. Ваше сочинение после того как я по силе возможности прочитал с величайшим вниманием и старанием, я молил Бога за Вас, говоря: “Да пробудит Бог Всевышний Вас от сна беспечности и да завершит конец дел Ваших хорошими печатию и состоянием!”. Очевидно, что в этом малом моем письме невозможно сделать надлежащего критического исследования, и дать подробные ответы, и сделать объяснения на те “спорные пункты” и “многие противоречия”, на которые Вы сделали указания в Вашей большой, в 350 страниц, книге. Впрочем, если и так, я намерен сказать вообще “одно-два слова” как об этом написанном Вашем сочинении, так равно и о других Ваших сочинениях, а равно и о сочинениях, вышедших из-под пера подобных Вам миссионеров.

Ефим Александрович! Вы сами знаете, есть русская пословица: “Утопающий хватается за соломинку”. Вы знаете, что справедливость этой пословицы в жизни столько раз подтверждалась, подобно тому и мне приходила на ум эта пословица, когда я читал присланное Вами мне Ваше сочинение. Равным образом справедливость и верность этой пословицы и в делах веры сильно подтверждалась. Извините и простите меня! Неверные потонули (погрязли) в море заблуждений, в море неверия (безверия), беспечности и невежества, но то несомненно, что самая истинная вера есть вера ислам (как говорится в Коране: “подлинно вера перед Богом есть ислам”). [...] Подобно этому и сильные миссионеры (“Мы закрыли их, и они не могут видеть!” Коран 36:8), (“в чужом глазу сучок замечают, а в своем бревна не видят”), не находя никаких важных недостатков и ошибок в ясной мухаммеданской религии, гибнут в море заблуждений, безверия, беспечности и невежества. До сих пор я говорил о сочинениях, вышедших из-под твоего пера и из-под пера миссионеров, о сочинениях противных мусульманской религии. В этих моих “одном или двух словах”, если окажется для Вас какая-либо грубость (истина горька), тысячу раз я прошу простить меня. Те слова, которые я написал Вам, я скажу гяурам всего мира. Мною написанное “одно-два слова” есть слово справедливое, вышедшее от искреннего мусульманского сердца и из-под мусульманского пера – это слово – догмат. Впрочем, гяуры остаются во сне беспечности и между двумя преградами: “Мы положили преграду напереди их и преграду позади их” (Коран 36:8), а в сердцах их болезнь: “Те, в сердцах которых болезнь” (Коран 2:9). Точно также П. Н. Ахмеров от мусульман рожден неверным: “Он (Бог) изводит живое от мертвого и изводит мертвое из живого”. Эти слова Корана прямо относятся к имени его, и из этих слов ясно и очевидно (подтверждается то, что сделанные Вами труды и заботы при обращении Ахмерова в христианство) остаются бесполезными.

Ефим Александрович! [...] Я писал о религиозных спорах в Ростове-на-Дону с христианскими священниками, и я обещался объяснить Вам эти споры письмом подробно, и было в моем уме то, что споры, происходившие в большом собрании, подробно невозможно объяснить письмом, а потому и в настоящем письме сделанные мною прения подробно я не буду описывать. Так как они происходили в большом зале Городской управы при открытых дверях и собиралось очень много народа слушать наши споры. Об

этих наших спорах в местных газетах были писаны (особые) известия, а равно также и в столичных больших газетах писаны были особые большие статьи. Вероятно, Вы и сами, может быть, читали эти статьи.

О Ефимий! Если Вы согласны будете, я и с Вами о вере по учению Евангелия и по учению Корана поспорил бы. Если Вы согласитесь на это мое предложение, то поскорее пишите мне письмо. Но, конечно, осуществление этого моего намерения, поспорить с Вами, связывается с моим путешествием в Казань для прений (у меня в Казани других каких-либо занятий нет), с другими какими-либо делами не связывается и не обуславливается. [...] Я напишу Вам, каким образом и на каких условиях я могу приехать в Казань, и если Вы согласны будете на те условия, о которых я Вам напишу, то наши прения, Бог даст, осуществятся и принесут свои плоды.

Ефим Александрович! В письме Вашем, написанном 12 апреля, Вы извиняетесь в том, что по причине болезни не могли мне в скором времени написать письма, и говорите: “Слава Богу! Теперь я выздоравливаю”, но Вы не написали, какая у Вас была болезнь. По справедливости и по истине я скажу, что я чрезвычайно рад и доволен тем, что Вы обрели здоровье от болезни Вашей. Милосердный Господь да подаст здравие и благословение на многие лета Вам и Вашему семейству, и молю Бога, да сохранит он Вас от бедствий небесных и земных. Аминь. Мое здоровье слабое, и я также подвержен грудной болезни и в настоящее время проживаю на даче в Кубанской области в деревне Новой Нижней Стеблевке (Гривной). Сего дня я намереваюсь, если будет угодно Всевышнему Богу, возвратиться в г. Ростов. Моя старушка мать и брат мой хаджи мулла Гизатулла находятся теперь в Ростове и здравствуют. До сего дня я еще не женился, так как не нашел хорошей, подходящей для меня девушки. На это мое письмо я желаю в скором времени, чтобы Вы написали и ответили в г. Ростов.

Известный Вам имам Мухаммед Захир, сын умершего ахуна муллы Джаруллы, Бигиев. 1891 г. 26 мая.

В 1887 г., после того как я написал “Гузаль Кыз Хадиджа” (т. е. “Красавица Хадича”), я написал еще роман под названием “Катле Хатун” (т. е. “Убитая женщина”), но по цензурному недозволению этот роман остался ненапечатанным. В прошлом 1890 г. я написал и напечатал в Казани роман свой под названием “Гнах Кябир” (т. е. “Великие грехи”). Вероятно, Вы этот роман мой прочитали. С письмом, которое имеет быть Вами послано, я надеюсь (или прошу себе) получить от Вас Вашу фотографическую карточку.

Будьте здоровы».

Письмо муллы З. Бигиева из Ростова-на-Дону Е. Малову от 16 февраля 1893 г.:

«Я ищу убежища у Бога от шайтана, побиваемого камнями. Во имя Бога милостивого, милосердного. Хвала Богу, который возвысил веру нашу над прочими религиями, и мир, и благословение да будет над превосходнейшим из посланников и печатью пророков, над господином нашим и защитником Мухаммедом, ходатаем за грешников в день (собрания) воскресения и весов, и над семейством его, и над его сподвижниками. Да будет над ними благословение Божие!

Почтенный и уважаемый господин Ефим Александрович! Да будет хвала Богу! Будучи в настоящий день жив, я свидетельствую каждый день и каждый час в мире о непостоянстве мира, и заставляют они (?) свидетельствовать. (Читайте эти строчки с размышлением в продолжение двух дыханий (вздохов!)). Один из предметов познания – “человек, унижение человека, а другой, если я назову человека собакой, то, говорят, это значит, я похвалил его”. Думал он, что бедный я, и он считал меня ничтожным: “Человек, находящийся в лености и беспечности, до такой степени вреден, что становится вещью дурною и гнусною” – 28 ноября написавши письмо, Вы отправили его, а я получил оное 5 февраля. А брошюра под названием “Разговор о пророке Мухаммеде с одним муллой” пришла спустя два дня после письма Вашего. Эти два дня показались длительными как два месяца. О “разговоре” я заочно приготовил ненужные ответы, а нетерпеливо ожидаемая брошюра оказалась совершенно пустяком. Что из-под пера во всех отношениях какого-то урода должно было выйти сочинение пустое и уродливое – это очевидно и даже необходимо. Нет надобности в длинных и ясных доказательствах того, что брошюра пуста и уродлива. [...] Об этой брошюре в своем высоком письме Вы нам писали, ничего не умалчивая, пишите все, что Вы хотели бы сказать, и объяснения делайте. Я был очень удивлен, размышляя о пустоте брошюры. Подобно Вам, когда он состоит профессором в Духовной академии, то человеку науки и знания, если и Вы будете смотреть на “Разговор” такими же глазами, я никогда не прощу и не извиню. Что “Разговор” пустяки и нечто уродливое, это всякому знающему ясно. Таково мое слово о брошюре “Разговор”, но против самого названия этой брошюры у меня есть недовольство и возражение. Такое название ей не соответствует и не согласно с ее содержанием. Не называя, что эта брошюра есть “Разговор о пророке Мухаммеде с одним муллой”, следовало бы обозначить, что эта брошюра есть “Споры”, которые происходили в пьяной компании между пьяным сапожником и пьяным водовозом: тогда эта брошюра называлась бы своим собственным именем. Если Вы подумаете и с тонким вниманием посмотрите одним глазом

на брошюру, которую Вы нам отправили, а другим глазом на то название, которое я придаю этой брошюре, то не останется у Вас никакого сомнения в том, что это должно быть самое соответственное и собственное имя брошюры.

О чудесах господина пророка последнего времени Мухаммеда избранного, да будет над ним мир и благословение Божие, и о разделении луны, и о трудном вопросе о разделе имущества, если угодно будет Богу Всевышнему, я сделаю. Объяснение в письме, которое я намерен написать соразмерно с моими познаниями (все знающий один только Бог), отправлю Вам. О вере мухаммеданской не только подобно тому, как в этой уродливой брошюре, но в прошлые века в рассуждениях и обозрениях, вышедших из-под пера великих ученых мужей Европы, содержится, все равно, что воск, который не причинил вреда вероучению мухаммедан и преданности их своей вере, подобно тому, как не повредится железо, если кто будет грызть его зубами. Если мы посмотрим на миссионеров, продающих веру на базарах веры, то мы увидим, что торговля верой на рынках религии пришла в крайнее состояние застоя (или в крайне пассивное положение).

Развернувший знамя справедливости и милости царь наш, император Александр III (Господи! Сохрани царя нашего от всех бед, опасностей и мучений! И благослови день восшествия его на престол и трон до конца дней! И даруй ему управление со славою над знатными и простыми. И продли жизнь их в духе постоянного спокойствия. И помоги им одержать победу над тем, кто желает ему (царю) гнева и вражды до дня воскресения, до тех пор, пока солнце и луна будут двигаться в своем настоящем течении!) [...], не взирая на все наши секты и вероисповедания, считает всех как детей, желая справедливости и верности нашей и всех нас охраняя в вере, чтобы всякий человек видел и признавал, что он (государь император Александр III) есть руководитель, учитель и увещатель. Между учеными угас совершенно базар веры и остался пуст. Говоря это, я не погрешил. На базаре веры и миссионеров покойный И. И. Ильминский, хотя был начитанный и прилежный, среди ученых не был знаменит и известен. О Ильминском К. П. Победоносцев писал [...]: “Немногие знали его в верхних слоях общества”. Слова обер-прокурора служат доказательством истинности наших слов, вышесказанных “о базаре веры”. Архиепископ казанский Павел, смертью Н. И. Ильминского будучи опечален и огорчен, в письме своем к супруге Ильминского Екатерине Степановне писал: “Потеря громадная не для Вас только, но и для церкви русской вообще, и для нашего отечества” – таким образом, и слова Павла – члена Синода служат доказательством, что Ильминский на базаре веры был начитанный и прилежный. И все это служит ясным доказательством и подтверждением того, что базар веры и миссионеров остался на той стороне занавески. По слабому нашему рассуждению, всякий человек, смотря по своему высокому происхождению, отказавшись от призыва в свою веру тех, которые находятся в другой религии, если признает, что хорошо всякому оставаться в той религии, какую содержали его отец и мать и в какой он сам родился, и если помогает, то в настоящее время, одержавши победу и излечившись от болезни и веры, еще более значительный плод получит. Я очень хорошо знаю, что в день суда от меня не потребуют никакого ответа за Ваших прихожан, в ответе Вы будете. А за мусульман моего прихода в ответе я останусь. Да будет же мир тому, кто следует руководству! В прошлом году я писал Вам несколько писем, но Вашего ответа не было. Получили ли Вы посланные мои письма? Получивши настоящее письмо мое, с поспешностью, без промедления на письмо отвечайте. В прошлом 1892 году напечатанное сочинение “Миссионерство среди мухаммедан и крещеных татар” под названием сборник, а также сочинение г. Остроумова “Мухаммеданский пост Рамазан” присылайте нам. Если пришлете, то это сочтено было бы за Ваше великое внимание к нам. Русская пословица говорит: “Бедность не порок”. Этот порок как у пророка Иисуса и у меня – раба твоего – имеется. В прошлый раз во всех своих письмах я писал и просил, чтобы Вы прислали мне Вашу фотографическую карточку, но так как до сего дня Вы не прислали ее, то я надеюсь, что пришлете портрет Ваш. А почему Вы не отвечали на прежде написанные мои письма, известите.

Когда повелитель верующих Бухарский эмир Сагид Абдулла-хан в прошлом 1892 г. 25 декабря проезжал через наш город Ростов-на-Дону в С.-Петербург, тогда мы удостоились по его дозволению быть перед почтенными стопами богатого господина хана Бухарского. Хотя тогда были открыты царские комнаты вокзала для того, чтобы остановиться (спуститься в них) господину эмиру, но господин хан, не желая выходить из вагона, повидался в вагоне с нами, и мы с ним повидались.

Генерал-майор Поляков был принят. После его выхода господин эмир приказал войти к нему тем, которые пришли из общества мусульман. Тогда из ученых Ростова-на-Дону Ахун Хаджи Гизетулла Дивликамов и раб Ваш имам Мухаммед Захир Бигиев, мулла Муса Бигиев и из почетных мусульман (или выборных) Фазлулла Утигеев, Мухаммед Джан Янбаев и Рахматулла Гаташев взошли в вагон. Господин эмир обрадовал их, приказал явиться нам на аудиенцию. И из ученых хаджи Гиззатулле эфенди, и Мусе эфенди, и Вашему рабу он сделал подарки – по очень дорогому шелковому халату. Доброта

и щедрость эмира очень разительно обнаружилась. Все мы об эмире господине помолились.

В нашем городе, Ростове-на-Дону, русских мухаммедан до 2 000 человек, кроме того, 40 или 50 душ турецкого племени турок. До 1885 г. эти турки считались в нашем приходе и с нами жили, одинаково совершали молитвы и богослужения. В 1885 году турецкий консул для этих турецких мусульман нашел отдельное место для совершения молитвы, и турки отдельно от нас составили один приход, начали молиться. В настоящее время молитвенный дом этих турок, походя на дом миссионеров, до сего времени переманивал наших мусульман русского племени на свою сторону, проповедовали истину и молитву на дорогу султана Турции Абдул Хамида и устроили государство в государстве. Об этих делах в настоящее время довели до сведения жандармской полиции. В настоящее время это дело, хотя расследуется, но турки остаются при своем деле – по-прежнему и живут во вред нам. Теперь мы от этих дел в страхе и опасности. Конец. О если бы нам было хорошо! Будь жив и здоров. О всем, о чем мы спрашивали, и ответ на наши письма присылайте. Ожидаем».

Из личного архива М. Алиша.

22 сентября 1896 г. [...] Я увиделся с мухаммеданином из Ростова-на-Дону Магомет-Захиром Бигиевым, муллой. Он передал, что по некоторым делам ездил в Уфу в Оренбургское мухаммеданское собрание, а возвращаясь оттуда, вздумал побывать в Казани и повидаться со мной, так как он был давно со мною знаком и не раз писал мне из своего Ростова-на-Дону. В настоящее время он передал мне, что совершил он путешествие в Ташкент и Бухару, описал это путешествие и намерен издать в Казани. Меня г. Бигиев спрашивал, какие я напечатал книги после «Законодательства Моисеева по учению Библии и по учению Корана». Я показал мулле Бигиеву брошюру «О таинственной книге Гиллиюн» (против мусульман и евреев) и подробно ознакомил его с содержанием этой брошюры и, наконец, подарил ее Бигиеву. Потом я подарил г. Бигиеву еще две брошюры: «Условия веры – шараитуль-имани» и «Мухаммеданский букварь, или миссионерско-критический очерк на книгу “Условия веры”».

Мулла Бигиев передал мне, что книгу мою «Моисеево законодательство по учению Библии и по учению Корана» он давал читать в г. Ростове-на-Дону одному еврею Исаю Исаевич Рейнштейну (квартирующему в Боготянском переулке, дом № 40). Этот г. Рейнштейн будто стремился после того в Казань и непременно хотел познакомиться со мной, но какие-то семейные обстоятельства удержали его.

Мулла Бигиев спросил меня о П. Н. Ахмерове, так как в Уфе он слышал, что Ахмеров будто умер. Я предложил мулле Бигиеву сейчас же со мной отправиться к Ахмерову, слава Богу, доселе здравствующему.

У Ахмерова мы снова пили чай. Мулла Бигиев спрашивал Ахмерова, посещают ли его мухаммедане, увещевал ли кто-либо его из них оставить христианство и возвратиться в мухаммеданство? Ахмеров отвечал, что ученые-мухаммедане к нему для подобных целей не приходили, а если являлись иногда шакирды – ученики мухаммеданских школ, то они не могли защищать своего мухаммеданства. Бигиев и Ахмерову не преминул сообщить, что он приготовил для печати свое путешествие в Ташкент и в Бухару и даже предложил нам послушать это описание, так как рукопись при нем. Мы прослушали несколько страниц.

Наконец, уговорившись, что завтра, если Богу будет угодно, мы соберемся у меня в квартире вечером в 6 часов, мы с г. Бигиевым простились с Ахмеровым.

[...] Теперь, дорогой от квартиры Ахмерова, я сообщил мулле Бигиеву, что мухаммедане считали Ахмерова, когда он крестился, сумасшедшим, говорили, что подкупил и соблазнил его, но, слава Богу, Ахмеров с ума не сходил, а я его за неимением денег не подкупал, да если бы и деньги были, не было никакой нужды подкупать, потому что: а) убеждений купить нельзя, б) Ахмеров несколько лет исследовал христианскую веру и сам лично, и в беседах со мною, а потому я считаю его переход в христианство вполне убежденным.

Когда мы проходили мимо подворья казанского купца П. В. Щетинкина, где в № 41 остановился мулла Бигиев, он звал меня к себе, но я отказался, так как ко мне обещался прийти новорукоположенный священник о. Ермолаев (из чуваш). Мулла любезно проводил меня до моей квартиры.

Из личного архива М. Алиша.

23 сентября 1896 г. [...] Пришел ко мне вечером, около 7 часов П. Н. Ахмеров и сообщил, что он от муллы Магомет-Захир Бигиева, который с одним студентом университета, мухамеданином, собирается ко мне. Скоро, действительно, г. Бигиев появился с медиком Давлет-Кильдеевым.

До их прихода Ахмеров передал мне, что 22 сентября, когда я с Бигиевым был у него, он чрезвычайно был утомлен и потому мало говорил, а в настоящее время крайне воз-

бужден тем, что мулла Бигиев назвал его «мюртадом»*, не понимая ни нашего христианства, ни своего мусульманства. Поэтому, когда пришел мулла Бигиев с Давлет-Кильдеевым, Ахмеров скоро спросил Бигиева, почему он называет его «мюртадом» и что означает самое слово «мюртад»? [...]

«Я по убеждению должен сказать, что мы, мухаммедане, считаем свою религию истинною, поэтому всех тех, которые почему-либо оставляют или отвергают эту религию, мы называем муртадами или гяурами (т. е. отступниками или неверующими). Я даже не желаю, чтобы ты снова обратился к мухаммеданской религии. Я тебе это говорил и в настоящее время заявляю, что если бы кто-либо еще один, или другой, или даже сто человек, если бы приняли православие, мусульманство от того нисколько бы не потеряло. В Коране сказано: “Религия перед Богом есть ислам”, а потому, если бы даже весь шар земной оставил эту религию, я один останусь мусульманином, и если бы у меня стали отнимать один член за другим и принуждать меня отречься от ислама и сделаться “мюртадом”, я не соглашусь. Вот мое убеждение!» – сказал довольно напыщенно мулла Бигиев.

«Еще у Вас никто суставов не отнимает, а то бы мы посмотрели, как Вы стали бы поступать. Но я, г. Бигиев, скажу Вам, что “мюртадом” не был никогда. “Мюртадом” Вы называете, и я это хорошо знаю, отступника от истинной веры, но вот вопрос, отступил ли я от истинной веры? Истинная ли вера Ваш ислам, вот это и следует Вам рассмотреть. Я хорошо знаю, что Вы плохо понимаете мухаммеданскую религию. Да и Вы сами, как я вижу, не держите своей веры. Зачем Вы носите европейский костюм? Разве Вы не знаете мухаммеданского правила “ман ташаббагату фа гува мингу”, т. е. если кто уподобляется ему (т. е. неверному по внешнему виду, в одежде, например), тот становится одним из членов его неверного общества».

Мулла Бигиев на это заметил, что правило это к нему не относится и что можно быть вполне мухаммеданином и в студенческом костюме, и в какой угодно одежде. При этом г. Бигиев рассказал, что недавно находился в Казани один очень ученый (!) шейх из Бухары, который говорил, что он крайне удивляется взглядам казанских мухаммедан, которые полагают, что садиться на стул грешно, что следует садиться на пол и т. п. «Да я и сам, – добавил мулла Бигиев, – когда путешествовал в Бухару и в Ташкент, то видел, что мухаммедане-афганцы носят длинные волосы. Тогда как здешние казанские мухаммедане готовы доказывать словами Корана, что садиться непременно надобно на пол и волосы на голове брить. Внешний костюм, – заключил речь свою Бигиев, – зависит от климатических условий».

– Головы свои мухаммедане должны брить, усы подстригать, это Вы должны знать, мулла Бигиев, – сказал Ахмеров.

– Должен бы, но я грешен, не все правила исполняю.

– Он тоже немного «мюртад», – добавил я несколько двусмысленным тоном. – Но, конечно, внешние приемы – костюм и т. п. – не составляют существа религии. Это понятно каждому из нас. И если Вы, мулла Бигиев, если студенты Давлет-Килдеев, шейх Бухарский и еще кто-либо так смотрят на дело, то мы должны этому радоваться, что наконец и мухаммедане начинают обращать внимание на существо дела.

– Ну а содержание учения Корана Вы все признаете истинным? – обратился Ахмеров к мулле Бигиеву.

– Конечно.

– Ужели Вы признаете истинными и те слова Корана, на основании которых Вы – мусульмане непременно должны убивать всех неверных?

– Эти места Корана некоторые из ученых-немусульман по своему заблуждению не могут только как следует понять. Мухаммед, как показывает история, и сам неоднократно щадил жизнь неверующих, – добавил Бигиев.

– Да, и я знаю, что щадил, когда не имел возможность убивать, и в настоящее время, следуя учению Корана, разве Турция стала бы щадить христиан и других немухаммедан, если бы имела возможность убивать. Нет, я вижу, что Вы, мулла Бигиев, не знаете как следует содержание Корана, – добавил я. – Вам, г. Бигиев, следует получше обратить внимание не только на взгляды мухаммедан, на костюм и на наружный вид, а и на многие пункты учения мухаммеданского. [...]

Из личного архива М. Алиша.

Публикацию подготовил
Азат Ахунов,
кандидат филологических наук

* Сравните с названием неизданного романа З. Бигиева «Мөртәд» (Вероотступник).